

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Новгородские черты в «Слове о полку Игореве»

Уже давно было обращено внимание на расхождение между «Словом о полку Игореве» и «Повестью временных лет» в указании на место похорон Изяслава Ярославича — сына Ярослава Мудрого. Согласно «Повести временных лет», Изяслав был похоронен в Десятинной церкви. В «Слове же о полку Игореве» говорится: «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣ яти отца своего между угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву». Это известие в «Слове о полку Игореве» считалось либо ошибочным, либо относящимся не к Изяславу Ярославичу, отцу Святополка, а к его тестю — Тугоркану.

М. Д. Приселков предположил, что автор «Слова» пользовался не «Повестью временных лет» в известных нам списках, а черниговской летописью отца Игоря Святославича — Святослава Ольговича, где известия могли даваться в сокращенном виде. В «Слове» же эти известия были осмыслены по-своему: поскольку София была главным храмом Киева, постольку, предположил автор, Изяслав был похоронен именно там.

В 1949 г. артист МХАТ Ив. М. Кудрявцев, усиленно занимавшийся «Словом о полку Игореве», в своем письме ко мне дал бесспорное объяснение происхождения этого места. Оказалось, что Изяслав, согласно Софийской первой летописи, был похоронен именно в Софии, а не в Десятинной церкви. Письмо Ив. М. Кудрявцева было напечатано мною в Трудах Отдела древнерусской литературы, и вопрос о том, является ли сведение «Слова» о похоронах Изяслава в Софии ошибочным, был навсегда снят. Оставалось только выяснить, откуда попало известие о похоронах Изяслава в Софийскую I летопись и почему автор «Слова о полку Игореве», постоянно пользовавшийся известиями летописи, иногда даже в летописной их форме, воспользовался именно той версией, которая оказалась запечатленной в Софийской I летописи.¹

Как мною было выяснено в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.—Л., 1947, с. 182—196), значительнейшую часть Ипатьевской летописи за XII век составляет летописец героя «Слова о полку Игореве» — Игоря Святославича, основанный в свою очередь на летописце его отца Святослава Ольговича, как это установил в свое время еще М. Д. Приселков в «Истории русского летописания XIII—XV вв.» (Л., 1940). Исследователи «Слова», хотя и прошло достаточно много лет со времени наблюдений М. Д. Приселкова и моих, очень мало интересовались летописцем Игоря Святославича. Между тем точки зрения летописца Игоря Святославича во многом совпадали с точками зрения автора «Слова о полку Игореве», и именно на основе летописи Игоря Святославича, очевидно, проникли в «Слово» многие сведения по истории Руси XI в.²

¹ И. М. Кудрявцев. Заметка к тексту «С тоя же Каялы Святоплѣкъ. . .» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, с. 407—409.

² См. о знакомстве автора «Слова» с летописью в моей статье «Исторический и политический кругозор автора „Слова о полку Игореве“» (в кн.: Слово о полку Иго-

Не может быть сомнений в том, что в основе летописца отца Игоря, Святослава Ольговича, лежало новгородское летописание, а следовательно и текст XI в., близкий Начальному летописному своду, которым, как основательно предположил А. А. Шахматов, начинались новгородские летописи.

Как мною было в свое время установлено в упомянутой уже статье, в «Слове о полку Игореве» многие сведения даются в форме, близкой к летописным о них известиям. К новгородской летописи близка, в частности, формулировка полноты поражения по дешевизне рабов-пленников. Так, в «Сказании о знамени святых Богородицы» о поражении суздальцев у стен Новгорода в 1169 г. для обозначения тяжести этого поражения суздальцев сказано: «и продаваху суздальца по две ногате».

Именно это определение имеется в «Слове» в отношении Всеволода Суздальского: если бы он был на юге и поблюл бы отень злат стол киевский, «то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ». Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в этом пассаже применяется новгородская денежная система: ногата и резана.³

Термин «ногата», как мы уже отмечали, пмеется в сходной формуле 1167 г.

Другая новгородская денежная единица в «Слове о полку Игореве» — «бела», и она также дана в «Слове» в составе летописной формулы в «Повести временных лет» под 859 г.: «емляху дань по бѣлѣ⁴ отъ двора». Ср.: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюдѣ и на словѣхъ, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ. А козари имажу на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имажу по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма».⁵

Исследуя упоминаемые в «Слове о полку Игореве» денежные единицы, следует иметь в виду, что «Слово» не документ, а художественное произведение. Поэтому «русское золото», которое дважды упоминается «Словом», — это не какие-то денежные единицы, а драгоценности в целом. Так же точно в упоминаемых в «Слове» «ногате», «резани» и «белѣ» важны те устойчивые литературные формулы, в составе которых они фигурируют, а не их реальность в денежном обращении.⁶ Впрочем, сами формулы с участием упоминаемых в них денежных единиц могли сохраняться только в той стране, где они существовали когда-то, — в данном случае на Новгородском севере.

В связи с этими новгородскими чертами в «Слове» заслуживает внимания тот факт, что отец Игоря Святославича — Святослав Ольгович был дважды новгородским князем и был женат на новгородке. «В то же лето (1136, — Д. Л.) приде Новгороду князь Святослав Ольговичъ ис Чернигова, от брата Всеволодка, месяца июля в 19, прежде 14 календа августа, в неделю, на сбор святыхъ Еуфимие, в 3 час дне, а луно небесней в 19 день. Том же лете, наставъню индикта 15, убиша Гюргя

реве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, с. 5—52).

³ В. Л. Янин отмечает, что «в новгородских письменных источниках термин «резана» доживает до рубежа XIII—XIV вв.» (В. Л. Янин и н. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, III. Л., 1970, с. 172). Ср. также: В. Л. Янин и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁴ См. о «бѣле»: В. Л. Янин и н. Берестяные грамоты. . . , с. 167 («к числу новгородских денежных единиц, возникновение которых связано с перестройкой системы на основе счета на 7, несомненно принадлежит бела, хорошо известная в актах и нарративных источниках с начала XIV в. В одних только новгородских пергаментных актах XIV—XV вв. она встречается не менее 50 раз»). В. Л. Янин предполагает, что упоминание «белы» в «Слове о полку Игореве» — результат заимствования из поздней редакции «Повести временных лет».

⁵ Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 18.

⁶ Ср., например, наши выражения, до сих пор существующие, хотя «реальность» их отсутствует уже более 75 лет: «не дать за что-либо ломаного гроша» или «это стоит буквально гроши» («буквально» же грошей нет с первых лет XX в.).

Жирославица и с моста съвергоша, месяца септября. В то же лето святища церковь святого Николы великим священиемъ в 5 декабря. В то же лето оженися Святослав Ольговиц Новегороде, и венчяся своими попы у святого Николы; а Нифонт его не венца, ни попом на сватбу, ни церенцем дасть, глаголя: „не достоить ея пояти“. В то же лето стрелиша князи милостьници Всеволожи, нъ жив бысть». ⁷

Следующий год правления Святослава Ольговича в Новгороде ознаменовался бурными событиями. Партия изгнанного из Новгорода князя Всеволода, покровительствуемого епископом Нифонтом, восставала против Святослава Ольговича. Святославу удалось подавить восстание и даже собрать войско на княжившего в Новгороде противника своего Всеволода, но, несмотря на помощь половцев, выгнать Всеволода из Пскова, где он впоследствии был объявлен святым, ему не удалось, а вскоре в 1138 г. Святослав был изгнан из Новгорода: «В то же лето выгнаша князя Святослава сына Ольгова, из Новгорода, месяца априля 17, в неделю 3 по пасце, седевьше 2 лета бес трии месяца». ⁸

Изгнанного из Новгорода Святослава Ольговича тотчас же ждали новые неприятности. Его разлучили с женой новгородкой: «и Святославлюю (жену, — Д. Л.) прияша Новегороде с лучшими мужи, а самого Святослава яша по пути смолняне и стрежахуть его на Смядыне в манастири, якоже и жену его Новегороде у святое Варвары в манастири, жидуще оправы Яропльку с Всеволодомъ». В следующем году новгородцы снова послали по Святослава Ольговича и даже присягали ему — «заходивъше роте»; «и бе мятежь Новегороде, а Святослав дълго не бяше. В то же лето въниде князь Святослав Ольговиц Новугороду и седе на столе месяца декабря в 25».

Святославу Ольговичу пришлось «отай в ночь», захватив с собой Якуна, но Якуна схватили, сбросили с моста в Волхов, а затем, взяв с него 100 гривен, «заточиша в Чюдъ» с братом его, заковав его в цепи.

В Комиссионном списке Новгородской первой летописи есть сведения о том, что после первого двухгодичного сидения Святослава Ольговича в Новгороде он через полтора года снова был призван в Новгород: «и введоша Святослава, сына Ольгова, опять. И тъ седив год и бежа из города».

Как видим, оба правления были хотя и бурными, но недолгими. Для нас важно, однако, следующее: Святослав Ольгович женился на новгородке, — по-видимому, простой, так как епископ отказался их венчать и венчался Святослав в построенной им церкви Николы «своими попы». Второе, что привлекает наше внимание, — необычайная точность дат вокняжения и изгнания (особенно вокняжения).

Точные даты могли быть посчислены известным новгородским математиком и автором канонических «Вопрошаний» Кириком. Следовательно, можно думать, что летописание Святослава Ольговича и его сына Игоря Святославича получило толчок к своему возникновению еще в Новгороде, память о котором не могла исчезнуть в семье Святослава и его сына, ибо оттуда была жена Святослава и мать Игоря. В «Слове о полку Игореве» есть одно загадочное название народности — «готы» — в его производном «готьскыя дѣвы». Обычно считается, что это «готы тетракситы», населявшие северный берег Черного моря. ⁹ В русских источниках древнейшего периода эти готы ни разу не упоминаются. Но говорится под 862 г. в «Повести временных лет» в перечислении северных народов: «Русь, Свеп, Урмане, Аглыне и Гьтп». Постоянно поминаются северные

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. П. Насонова. М.—Л., 1950, с. 24. — «Не достоить», очевидно, по своему простому происхождению, не только потому, что она новгородка. Новгородские родственные связи Игоря очень важны для нашей темы.

⁸ Там же, с. 25.

⁹ В. В. М а в р о д и н. Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940, с. 267.

готы и в новгородских и смоленских договорах XII—XIII вв. Говорится о северных готах и в других новгородских источниках — о жителях острова Готланда, ведшего торговлю с Новгородом, а в самом Новгороде был Готский двор с церковью святого Олафа.¹⁰ Готы вели обширную торговлю с Новгородом и с Русью в целом. Если в «Слове о полку Игореве» имеются в виду готские девы северные, тогда понятно, что они «звонят русским золотом», ибо готы северные вели обширнейшую торговлю и упоминание золота было бы вполне уместно. Но с готами были не только торговые отношения, но и разногласия. Об одном из таких разногласий говорится под 1188 г. в Новгородской первой летописи, в той части Синодального списка, которая относится к XIII в.: «Въ то же лето рубоша новгородѣе Варязи на Гѣтѣхъ, Немѣе в Хоружьку и въ Новотържѣе; а на весну не пустиша из Новгорода своихъ ни одного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира».¹¹ Смысл этого известия до конца не ясен,¹² но не подлежит сомнению, что под 1188 г. здесь отмечено какое-то серьезное размирие с готами и разрыв в торговых отношениях. Если перед известием о готских дѣвах, «лелеющих мѣсть» против Руси, отмечены и немцы, под которыми могли пониматься только северные народы — германцы и шведы, которые «кают» князя Игоря, и опять в какой-то неясной для нас, но, очевидно, понятной для современников связи с русским золотом («ту немци и венецици, ту греци и моравы поют славу Святѣславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы — реки половецкыя, — рускаго злата насыпаша»), то толкование готских дев как дев Готланда, готов северных, — учитывая к тому же размах, который придан автором «Слова» всесветному отклику на поражение Игоря, — становится вполне вероятным. В беседе со мной М. А. Салмина предположила, что в «Слове» под «временем бусовым» подразумевается время особого рода кораблей — «бусов». Бусы действительно упоминаются в новгородских и псковских летописях — по И. Срезневскому, от др. сев. bussa, др. англ. buss, дат. boise, нидерл. buise.¹³ Это судно морское — и, по-видимому, такое, в котором ходили в Новгород иностранные купцы.¹⁴

Шарукан был разбит русскими князьями (среди них и новгородским князем Мстиславом Владимировичем) в битве 1106 г. Шарукан был дедом хана Кончака. Почему же готские девы «лелѣють мѣсть Шароканю»? В «Слове» поражению русских радуются разные народы в разных концах света, как и славу Руси поют разные народы во всем мире (Святославу поют славу «нѣмци и венецици», «греци и моравы»). Неудивительно, что к радости врагов Руси присоединяются и жители «Готского берега».

Если речь идет о Готском берегу и его размошке с Новгородом 1188 г., то почему все же упоминаются именно «девы»? Ответ на этот вопрос лежит, очевидно, в том, что в древней Руси в хоровом пении участвовали только женщины, девицы по преимуществу. оплакивают пением, поют славу в «Слове о полку Игореве» только девы и девицы. В миниатюрах Радзивиловской летописи в хорах, поющих славу князьям, участвуют также только женщины (л. 201, 207, 215, 220).

¹⁰ См. подробнее: Н. А. Рыбина. Готский раскоп. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 197—226.

¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 39.

¹² Толкование этого неясного места см.: С. Н. Сыромятников. Древлянский князь и варяжский вопрос. СПб., 1912, с. 10—13.

¹³ См.: И. И. Срезневский, т. 1, с. 194 (со ссылкой на словарь Дюканжа). — Толкование «готских дев» как дев северных готов см. в статье М. А. Салминой «Из комментария к «Слову о полку Игореве»» (ТОДРЛ, т. XXXVI. Л., 1981, с. 228—229).

¹⁴ «Тогда же, на вербьницю приидоша Латина под Цесарьград в бусах» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, под 1204 г., с. 246). Ср. под 1419 г. в той же новгородской первой летописи: «Того же лета, пришед Мурмане воию в 500 человек, бусах и в шнеках» (там же, с. 411).

Предложенные соображения о новгородских чертах в «Слове о полку Игореве» не должны вести к каким-либо категорическим выводам об авторе и происхождении «Слова». Единственно, что достоверно, — это то, что новгородские источники должны быть приняты во внимание при изучении «Слова». Следует также принять во внимание при изучении «Слова» и соображения о том, кто такие готские красные девы, особенно в свете того, что в древнейших русских источниках никаких готов на Черном море не упоминается. Если верно, что готские девы, поющие на берегу Синего моря, — девы Готского берега (Готланда) и их враждебность к русским объясняется размолвкой Новгорода с Готским берегом 1188 г., то создание «Слова» не может быть отнесено ко времени ранее 1188 г., но не должно и слишком отступать от этой даты, так как вряд ли, кроме авторов новгородских письменных источников, это сравнительно незначительное историческое событие могло на длительный срок запечатлеться в чьей-либо памяти.

Обратим внимание и на следующее: Новгород со славой Ярослава также связывался лишь на севере. В южных источниках Новгород не воспринимался как город Ярославовой славы.¹⁵ Поэтому известие в «Слове» о том, что Всеслав, «отворив врата Новуграду», тем самым «разшибе славу Ярославу», — также новгородское.

¹⁵ Как известно, «слава Ярослава» связывалась и в XV в. с новгородскими вольностями, «грамотами Ярослава», по преданию дарованными Новгороду Ярославом Мудрым, и с «Русской Правдой».